

© 2018 г.

И. С. КРЕМЕР

ДЕЛО «ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ»

Кремер Илья Семенович — доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений Московского государственного лингвистического университета. Один из первых авторов и членов редколлегии журнала «Новая и новейшая история» (Москва, Россия).

DOI: 10.31857/S013038640001429-9

Случай нередко бывает творцом биографий. В декабре 1946 г. ко мне домой зашел товарищ по истфаку МГУ Анатолий Миркинд. Вместе с ним была его приятельница Туся, работавшая в редакции «Дипломатического словаря». Когда мы прощались, Толя неожиданно сказал: «Туся, у Ильи хорошее перо, помоги ему найти работу». С этим они и ушли, и я не придавал большого значения сказанному. Я в это время — студент 4-го курса истфака МГУ, жена Инесса — тоже студентка, у нас трехлетняя дочь Танюша. Всем троим надо есть и одеваться. Мы живем в семье родителей жены, у тещи сложный характер, и нам «достаётся на орехи», тесть — очень хороший, светлый человек, но не он руководит семейной жизнью. Работа нужна мне, как воздух.

Недели через три раздался телефонный звонок: Туся сообщила, что меня приглашает побеседовать заведующий отделом Совинформбюро Юрий Владимирович Рубинин. В беседе принимали участие его сотрудники — бывший истфаковец и будущий известный журналист Виктор Осипович Шрагин и Эмилия Исааковна Теумин. Похоже, что мы друг другу понравились, но пока речь шла не о постоянной работе, а об испытании моего «хорошего пера». Юрий Владимирович сказал, что хотел бы заказать мне статьи о 3—4 выдающихся советских женщинах. Если статьи получатся, он надеется напечатать их 8 марта 1947 г. во Франции и в русскоязычной газете в Тегеране.

Рубинин, многолетний посол в Брюсселе, позднее рассказал мне, что королева Елизавета нередко приглашала его поужинать с ней, с большим интересом расспрашивала о Советском Союзе, о русской революции. За годы его отсутствия в Москве в нашей стране произошли изменения во всех сферах жизни, и отозванный в 1940 г. из оккупированной Бельгии дипломат долго вживался в быт и «новояз» посленэповской родины. Рассказывали, что, когда на профсоюзном собрании в МИД председатель сообщил, что для завершения заседания осталось решить только один вопрос — выбрать стражделегата (члена коллектива, занимающегося страхованием сотрудников), он в ужасе спрашивал соседей — «кого мы должны выбрать?» Помню, во время разговора с Юрием Владимировичем я сделал неправильное ударение в какой-то французской фамилии. В последующие недели мои визиты к Юрию Владимировичу начинались таким приветствием: «А, пришел наш юный Пётэн». Ничего не поделаешь, как говорил Митрич в «Золотом тельенке», «мы в гимназиях не учились».

Я принялся за работу. Нужно было найти героинь моих будущих журналистских «шедевров», получить их согласие на интервью, придумать умные вопросы, расположить к себе этих дам и, наконец, сочинить интересные тексты. Мой выбор пал на одну ученую даму-историка (Милицу Нечкину), стахановку с Трехгорки

(Антонину Серегину) и балерину Ольгу Лепешинскую. Запомнилось знакомство с Ольгой Васильевной Лепешинской, вошедшей в число звезд русского балета, особенно после исполнения главной роли в прокофьевской «Золушке». Мы условились встретиться в квартире матери балерины. В назначенный час я пришел, мама Ольги Васильевны угостила меня чаем и коротко изложила свою оценку иерархии в русском балете. Уже через 10—15 минут я понял, что Улановой, родившейся в 1910 г., пора на покой, что первое место в Большом театре по праву должно принадлежать Оленьке. К счастью, скоро появилась Ольга. Она сбросила меховую шубку, с ногами уселась на стуле и начала говорить. Я еще не знал, как она танцует, но было ясно, что передо мной — человек талантливый не только в балете. Хотя она начала беседу со слов «говорят, что у балерины ум — в ногах», ее речь, меткие замечания, рассказ об особенностях русского балета необычайно помогли моему становлению как молодого журналиста. Говоря по правде, эту мою первую в жизни напечатанную статью фактически больше, чем наполовину продиктовала Ольга Васильевна. Она попросила меня до передачи статьи заказчику показать ей, что у меня получилось. Помню, сроки поджимали, я почти не спал, писал, правил и печатал, но на следующий день занес конверт со статьей маме Ольги Васильевны. Через несколько часов мама позвонила и сообщила, что «Оленька оставила для Вас пакет». В пакете оказались моя статья, два билета на «Золушку» и записка: «Статья получилась. Спасибо. Вы меня хвалите так, как хвалят только покойников». Все три статьи увидели свет в Париже и Тегеране.

В середине марта 1947 г. меня снова пригласил Рубинин и предложил вести постоянную рубрику «О чем говорят в России». Я плохо знал, о чем в действительности говорят в России. Поэтому я часами сидел в Ленинской библиотеке, читал провинциальные газеты, слушал радиопередачи, выбирая материал для еженедельной статьи. Так продолжалось несколько месяцев. Я приобрел репутацию способного новичка.

Я не сразу узнал, что сотрудница Рубинина — Эмилия Исааковна Теумин одновременно была заведующей редакции «Дипломатического словаря». Однажды, весной 1947 года, пригласили меня зайти в редакцию. Здесь со мной беседовали две дамы — Эмилия Исааковна и Вера Семеновна Соловьева. Я пришел на эту беседу бедным студентом, подрабатывавшим на жизнь в информационном агентстве, а вышел счастливым обладателем постоянной работы — должности редактора «Дипломатического словаря». Была, правда, одна сложность — посещение лекций для студента 4-го курса истфака МГУ было делом обязательным. Как это можно было совместить со штатной должностью, я не знал. Но свет не без добрых людей. Староста моей студенческой группы, Аллочка Губанова, успокоила меня: «Соглашайся на работу, у тебя семья. Не беспокойся, я тебя прикрою». Я благополучно совмещал работу с учебой до самого окончания МГУ в 1948 г. В редакции меня тоже не угнетали и я свободно ходил на важные для меня семинары, зачеты и экзамены.

Очень скоро я понял, что попал в компанию замечательных людей. Редакция «Дипломатического словаря» была оазисом в тогдашней суровой московской жизни. Стоит рассказать, хотя бы коротко, о главных персонажах редакции. Наиболее яркой фигурой была, без сомнения, Вера Семеновна Соловьева. Она соединяла в себе опыт с юности работавшего человека, много видевшего и пережившего, с большим природным умом, обаянием и добротой. Ее взрослая жизнь началась в 17 лет, в годы гражданской войны. Секретарь очень важного в те годы губернского Продовольственного отдела, в столице она прошла путь от технического работника и младшего редактора в издательстве до должности заместителя заведующего редакцией. Она была истинно мудрой и душевной, не помню, чтобы Вера Семеновна кого-нибудь распекала за срыв сроков работы над материалом или ошибку в редактировании. Да ей и не нужно было никого из нас «ставить в угол». Ее профессионализм редактора, проницательность, умение незаметно и ненавязчиво учить каждого из нас были так совершенны, что мы, редакторы, очень старались, боялись

огорчить или подвести свою замечательную начальницу. В свою очередь и она была к нам привязана и, не имея собственных детей, по-видимому, находила сердечную, психологическую отдушину в общении с нами.

Эмилия Исааковна Теумин, заведующая редакцией, текущими делами редакции не занималась. Она очень ценила свои «высокие связи»: среди ее приятелей числились заместитель председателя президиума Верховного Совета СССР литовский писатель Юстас Палецкис, руководитель Совинформбюро С. А. Лозовский и другие, как теперь говорят, «VIP-персоны». Заведующая навещала нас 1—2 раза в неделю, рассказывала о новостях «в верхах» и уходила. Иногда она испытывала верность коллектива, беспомощно опускалась в кресло со словами «мне что-то плохо» и трое редакторов подымали на руки крепенькую женщину, укладывали ее на диван и давали валериановые капли. Изредка она давала нам, как она говорила, «ЦУ», т.е. ценные указания. Возражений она не терпела и часто использовала свой главный аргумент — «кто здесь хозяйка — я или вы?». Это дало нам повод написать сатирическое стихотворение, где были такие строчки: «Вы — ученые мужья, но хозяйка все же я!». Но в целом Э. И. Теумин была добрым человеком и не мешала нам работать.

Закончилась ее жизнь трагично. На свое несчастье, она была членом «Еврейского антифашистского комитета» (ЕАК). И. В. Сталин, в начале 30-х гг., заявивший, что антисемитизм — крайняя форма шовинизма, в 1948 г. дал отмашку на «окончательное решение» вопроса о ЕАК. Начали с председателя комитета, великого артиста С. М. Михоэlsa, которого убили в январе 1948 г. на даче председателя КГБ Белоруссии Л. Ф. Цанавы. Чуть позднее арестовали руководство ЕАК в полном составе и расстреляли всех, кроме академика Л. С. Штерн, всемирно известного биолога. Дочь Сталина, Светлана Аллилуева (она училась на нашем курсе и отстала от него в связи с рождением сына), в воспоминаниях писала, что ее отец лично давал указания объявить причиной смерти Михоэlsa автомобильную катастрофу¹. Много лет спустя я прочитал стенограмму процесса ЕАК². Почти всем обвиняемым приписывались враждебные деяния. Подсудимый С. А. Лозовский, сотрудник В. И. Ленина, в течение 17 лет руководивший Красным интернационалом профсоюзов, член президиума Коминтерна, член ЦК ВКП (б) и заместитель нарком иностранных дел СССР в 1939 г., как оказалось, «занимался шпионажем и был руководителем еврейского националистического подполья в СССР», а также поручил С. М. Михоэlsу и ответственному секретарю ЕАК И. С. Феферу «установить связь с реакционными кругами США». Похоже, что, предчувствуя беду, Лозовский пытался проявить приятную вождю инициативу и выступил на одном из наших заседаний с предложением напечатать во втором томе «Дипломатического словаря» статью «Сталин как дипломат». Главному редактору «Дипломатического словаря» А. Я. Вышинскому ничего не оставалось, как согласиться с «интересным и правильным предложением тов. Лозовского». Правда, он тут же сообщил, что редактором этой центральной статьи второго тома выступит он лично.

В архиве автора этих заметок сохранилась копия статьи Лозовского: современные читатели смогут понять, как в описываемое время писали о вожде. Обычно авторы статей о выдающихся персонах истории дипломатии писали 3—4 страницы на машинке; Лозовский передал в редакцию статью почти на 100 машинописных страницах. Основной смысл статьи заключался в определении — дефиниции, которая занимала целую страницу. Приведем часть этого уникального определения, которое даже на общем фоне славословия Сталину выходило за пределы разумного: «Великий мыслитель-теоретик, гениальный политик и государственный деятель, выдающийся ученый и философ-диалектик, гениальный стратег-полководец и мастер вождения многомиллионных армий и народных масс, непримиримый в своей

¹ Аллилуева С. И. Только один год. Нью-Йорк, 1969, с. 134.

² Неправедный суд. Последний сталинский расстрел. М., 1994.

ненависти к эксплуататорам и угнетателям, непреклонный в борьбе за принципы большевистской партии, несгибаемой воли и революционной страсти, спокойный и решительный, во всей деятельности руководствующий лишь интересами своего класса, своей партии и своей страны, трезвый практик, взвешивающий каждый шаг, верящий в творческую инициативу простых людей, всегда с массами и во главе масс, умеющий выжидать, не поддаваться на провокации и «хранить грозное терпение» (Барбюс), умеющий предвидеть ходы и маневры противников и отвечать на удар мощным контрударом, человек ясно и четко формулирующий свою мысль и умеющий, как никто, превратить в конкретные действия намеченную политическую линию, сконцентрировать в кратком лозунге главную задачу, таков ученик, соратник, друг и продолжатель дела величайшего сына русского народа, гения революции, бессмертного Владимира Ильича Ленина, таков учитель и вождь народов советской страны и всего трудящегося и прогрессивного человечества И. В. Сталин»³.

Вышинский, передавший статью самому вождю, вскоре сообщил нам, что вопрос снимается с обсуждения: тов. Сталин против публикации статьи. Причину мы так и не узнали. Остается только гадать, то ли автор статьи, написанной в самом начале 1948 г., был уже «на мушке» у руководителя, то ли назойливые напоминания, что вождь был учеником и продолжателем дела великого Ленина, начинали раздражать человека, который после 1945 г. явно ставил себя выше своего учителя. Читатели старшего поколения, может быть, помнят, как пренебрежительно после войны Верховный главнокомандующий отзывался о военных познаниях Ленина.

На процессе ЕАК Лозовский отметал все обвинения и умно и храбро защищался. Теумин признавала себя виновной в том, что «не давала отпора националистическим разговорам Михоэлса и Фефера», а также в том, что передала американскому журналисту справку о достижениях трех прибалтийских республик, составленную по материалам советской прессы. И все.

Когда читаешь материалы процесса ЕАК, создается впечатление, что обвиняемые не сознают, что их ожидает. Некоторые говорят даже о своих планах на будущее. Другие опровергают глупейшие обвинения и уверены, что они убедили суд. Между тем, процесс был чистой фикцией. Режиссером следствия, длившегося три года, и самого процесса, был Сталин. Только за первые два месяца следствия великому интернационалисту было послано около 20 протоколов допросов арестованных. Сталин лично готовил вопросы, которые следователи должны были задавать обвиняемым. Ему же в начале апреля 1952 г. министр государственной безопасности С. Д. Игнатьев направил текст обвинительного заключения. На следующий день Политбюро приняло решение о расстреле всех обвиняемых, кроме Л. С. Штерн. Еще через два дня военная прокуратура передает дело в Военную коллегия Верховного суда СССР для рассмотрения «без обвинения и защиты и без вызова свидетелей». Все было предрешено.

Для Э. И. Теумин не нашлось какого-либо приличного шпионского дела. Ее расстреляли за компанию. Помните, в «Одном дне Ивана Денисовича» А. И. Солженицына герою повести приписали, что он, попав в плен, не бежал к своим, а был «послан с заданием». А с каким заданием, следователь так и не придумал.

Старшим редактором в нашей редакции (позднее — «Политического словаря») был Александр Борисович Беленький. Отец Александра Борисовича был торговым представителем СССР в нескольких странах, везде находился вместе с семьей, и сын его быстро осваивал язык очередной страны. Александр Борисович отлично знал английский, немецкий, итальянский и испанский языки. Позднее, после пережитых нами потрясений, о которых речь пойдет ниже, он был принят на работу в Институт Востоковедения АН СССР. Здесь требовалось знание индонезийского языка; Александр Борисович изучил его за четыре месяца и свободно говорил и

³ Из личного архива автора.

читал на этом непростом языке. От отца, погибшего в годы «большого террора», он знал очень много о закулисе европейской политики.

А. Б. Беленький был знаком с бывшим советским послом в Италии Б. Е. Штейном; к чести дипломата нужно сказать, что Борис Ефимович не прервал этого знакомства и после ареста и казни отца А. Б. Беленького.

Запомнился один из эпизодов, рассказанных Александром Беленьким. В дипломатических кругах Рима передавали, что во время встречи министра иностранных дел Чиано с послом Швейцарии, итальянский министр спросил у швейцарца, зачем его стране, не имеющей выхода к морю, министерство торгового флота («швейцарцы арендовали территории в портах Адриатики»). Посол якобы ответил так: господин министр, я ведь не спрашиваю Вас, зачем Италии министерство финансов.

Помимо качеств полиглота, Александр Беленький в описываемое время был сложившимся ученым. В 1952 г. он защитил диссертацию по проблемам мексиканской революции 50—60-х гг. XIX в. Он просил нас, своих коллег, прочитать его работу и высказать свои замечания. Слово «блестящая» лучше всего характеризует это сочинение. Очень часто случается, что авторы диссертаций стремятся придать работе «научообразный» вид, но не заботятся о языке, каким она написана. Диссертация Беленького воплощала в себе соединение глубокого анализа с увлекательностью рассказа и великолепным литературным языком. Мне она казалась тогда образцом научной работы. Этого мнения я придерживаюсь и сегодня.

Моисей Аронович Персиц, гвардии капитан, успел перед войной окончить Институт философии, литературы и истории, в годы войны объединенный с МГУ. Он вел в редакции историю международных отношений и дипломатии Востока, хорошо знал историю Китая. Добрый, сердечный человек был нами единодушно выбран парторгом, что позднее аукнулось ему преследованием в ходе нашего, как теперь говорят, «резонансного» дела. После потрясений 1953 г. Персиц нашел пристанище в Издательстве восточной литературы. В 60-е годы Моисей Аронович стал научным сотрудником Института международного рабочего движения АН СССР, много писал, очень продуктивно работал в архивах Коминтерна.

Кроме несчастной Эмилии Исааковны и Веры Семеновны, были в редакции и другие дамы — младший редактор Туся З., машинистка Ольга Сергеевна, родственница знаменитой Софьи Ковалевской, а также говорившая без перерыва пожилая дама-корректор. Секретарем редакции и общей любимицей была юная Паня. По классификации женских типов, данных писателем В. П. Катаевым в «Алмазном венце», она соответствовала категории «первый день творения». Паня ничего не читала и не писала. Доверить ей можно было только прием информации по телефону и обязанности курьера. Но у нее были большие способности к словотворчеству. Бразилия в ее устах сразу и бесповоротно стала Барзилией, а сокращение «Дипсловарь» приобрело новое звучание как «Дипсамарь». Зато она была доброй и открытой девушкой, делилась с нами подробностями своей личной жизни. У нее был роман с охранником члена Политбюро и вождя советских профсоюзов Н. М. Шверника. «Знаете, Илья Семенович, — рассказывала Паня, — мой ухажер очень способный. Когда видит человека, сразу может сказать, он хороший, плохой или средственный».

Главными редакторами первого тома «Дипломатического словаря» были А. Я. Вышинский и С. А. Лозовский, оба — заместители министра иностранных дел. Но во втором томе остался один главный редактор — министр иностранных дел А. Я. Вышинский. Его коллега по первому тому С. А. Лозовский уже сидел в камере Лефортовской тюрьмы. Ему предстояло пройти все круги ада и окончить свою жизнь в один день с Э. И. Теумин.

Отредактированные нами материалы отправлялись главному редактору. Время от времени он приглашал нас в свой кабинет в здании МИД на Кузнецком мосту. С нами он был всегда сдержан и вежлив. Но вот провинился один из наших ав-

торов. Его сотрудник по МИД Б. Е. Штейн опаздывал со сдачей заказанных ему статей. Виновник был при нас вызван «на ковер». Полномочный представитель Советского Союза в Финляндии и в Италии, советник МИД в ранге посла, доктор исторических наук, профессор Б. Е. Штейн был подвергнут унижительной публичной порке. После нескольких жестких фраз главный редактор заявил: «Мы берем вас на сессию ООН в Нью-Йорке. Мы оплатили для вас отдельную каюту на теплоходе. Вот и сидите там и пишите. И запомните — в день приезда в Нью-Йорк вы отсылаете свои статьи в редакцию, на имя Веры Семеновны. Идите».

Очень резок бывал главный редактор и с критиками своего детища. Помню, как во время публичного обсуждения первого тома «Дипломатического словаря» кто-то сделал критическое замечание о статье, посвященной британскому министру Э. Бевину. Руководитель обсуждения Вышинский немедленно дал отпор наглецу. Обращаясь к нам, редакторам, он сказал: «Когда будете готовить второе издание словаря, отредактируйте эту статью так, чтобы и глупцу было все понятно».

В 1947 г. в нашей редакции появился Иван Михайлович Майский. Это был человек известный. Одаренный публицист и писатель, Иван Михайлович был энциклопедически образован. До революции он был политическим противником большевиков, а в годы гражданской войны вступил в прямой конфликт с новой властью, заняв пост министра в правительстве, созданном летом 1918 г. в Самаре группой членов разогнанного Учредительного собрания. Ленин, знакомый с Майским еще по лондонской эмиграции в начале века, резко осуждал его. В сочинениях Ленина есть сопровождаемые резкими эпитетами упоминания имени Майского в одном ряду с Колчаком и другими открытыми врагами советской власти. Однако к концу гражданской войны Иван Михайлович был Лениным прощен, принят в ряды правящей партии, работал редактором «Петроградской правды», а затем переведен на дипломатическое поприще. Майский был сотрудником советского посольства в Токио, послом в Финляндии, а с 1932 г. до 1943 г. — послом в Великобритании. В Лондоне особенно ярко проявились его способности дипломата. Его энергичная и умная полемика в Комитете по невмешательству в испанские дела с послами фашистских государств — Гранди и Риббентропом — сделала его известным во всем мире. В 1938 г. после Мюнхенского сговора у Ивана Михайловича установились доверительные отношения с У. Черчиллем, что позволяло Москве иметь ценную информацию о закулисной стороне деятельности британских «умиротворителей» Гитлера. В 1943 г. Майский был отозван в Москву и назначен заместителем наркома иностранных дел. Сталин включал его в советские делегации на встречах руководителей великих держав. В 1946 г. Иван Михайлович был избран академиком АН СССР. Он стал членом редакционного комитета «Дипломатического словаря» и был направлен к нам в редакцию.

Майский приезжал в редакцию почти ежедневно до того рокового дня в 1952 г., когда был арестован и почти три года провел в тюрьме. Иван Михайлович проходил в свой кабинет, что-то там читал и писал, но скоро не выдержал одиночества и пригласил автора этих заметок перенести в его кабинет свой стол и работать рядом с ним. Это было большой удачей для молодого редактора. Беседы с Майским, его рассуждения, воспоминания — все это было плодом размышлений и опыта талантливого человека. Мы дружили с Иваном Михайловичем и его женой Агнией Александровной до самого конца жизни этих замечательных людей.

Среди авторов «Дипломатического словаря» было много интересных людей, видных ученых и дипломатов. Вспоминаю историка С. В. Бахрушина из известной московской семьи театральных меценатов. Член Редакционного комитета, Сергей Васильевич, сугубо беспартийный человек, нервничал, когда дело доходило до политических оценок в статьях «Дипломатического словаря». Помню, как он по какому-то поводу настойчиво добивался от Вышинского — «Андрей Януарьевич, а как это можно выразить правильно с точки зрения марксизма сегодняшнего дня?».

Несколько статей о дипломатии Востока написал Григорий Наумович Войтинский. В 1919 г. он был послан Коминтерном в Китай и вместе с шанхайским профессором Ли Даджао принимал участие в создании коммунистической партии. Одним из наших самых талантливых авторов был Альберт Захарович Манфред, крупнейший советский франковед, позднее — автор замечательных книг — «Наполеон Бонапарт» и «Три портрета».

Статьи по истории английской дипломатии писал академик Е. А. Косминский. Он рассказывал нам, что в 20-е годы молодым человеком он был послан в Англию с задачей найти и купить книги, письма и другие материалы, принадлежавшие К. Марксу и Ф. Энгельсу, а также взять интервью у лиц, знавших этих великих людей. Он встретился с местным предпринимателем, приятелем Ф. Энгельса. Бизнесмен охотно рассказывал гостю из Москвы, каким хорошим организатором производства был «старый Фред», как он хорошо ладил с рабочими, получал высокую прибыль. «Позвольте, — заметил молодой посланец Института Маркса-Энгельса-Ленина, — ведь прежде всего он был великим революционером, выдающимся философом». «Я что-то об этом уже слышал, — ответил собеседник. — Но знаете, молодой человек, в Англии у многих есть какое-нибудь хобби».

Ряд статей о выдающихся европейских дипломатах написал специалист по истории Англии и международных отношений И. С. Завич. Человек, обладавший огромной памятью и эрудицией, он окончил Лондонскую экономическую школу и при выпуске получил высшую из возможных оценок. Автор этих заметок был слушателем его семинара и навсегда запомнил его девиз, восходящий к Вольтеру: «все жанры хороши, кроме скучного». Его лекции, даже по сложным проблемам историографии, были всегда интересны и увлекательны. Среди постоянных участников семинара И. С. Завича была Светлана Аллилуева.

Статьи о германских канцлерах Бисмарке, Булове и немецких дипломатах писали талантливые германисты А. С. Ерусалимский и В. М. Хвостов. Международное право было представлено статьями В. Н. Дурденевского, Е. А. Коровина, И. П. Трайнина. О дипломатии стран Востока писали Е. М. Жуков, А. А. Губер, А. Ф. Миллер — ученые, принадлежавшие к цвету советской ориенталистики.

Среди авторов «Дипломатического словаря» был забытый сегодня близкий сотрудник Ленина Александр Григорьевич Гойхбарг (его имя можно встретить в томах полного собрания сочинений Ленина, особенно в материалах, связанных с работой так называемого Малого Совнаркома). Гойхбарг написал центральную статью первого тома — «Дипломатия». Он любил заходить в нашу редакцию делиться воспоминаниями. Запомнился его рассказ о подготовке к Генуэзской конференции 1922 г. Ленин, понимавший, что в Генуе перед советскими делегатами будет поставлен вопрос об уплате российских долгов по займам в странах Западной Европы, заботился о выработке контраргументации. Он поручил Гойхбаргу подсчитать, во сколько обошлось Советской России участие стран Антанты в интервенции 1918—1920 гг. Через несколько дней Александр Григорьевич принес Ленину результаты своих изысканий. Выслушав своего сотрудника, Владимир Ильич сказал: «Мало! Надо удвоить!».

Вера Семеновна Соловьева поощряла участие молодых редакторов и в авторской работе. А. Б. Беленький писал статьи о дипломатии США и стран Латинской Америки. М. А. Персиц — о странах Востока, автор этих заметок тоже написал два десятка статей. После того, как статья именитого автора о Лиге Наций была забракована главным редактором, мне было поручено написать эту важную статью.

В 1950 г. мы выпустили в свет второй том «Дипломатического словаря». Весь тираж — 50 тыс. экз., был раскуплен мгновенно, в прессе были хорошие рецензии, в частности Е. В. Тарле и А. С. Ерусалимского. Словарь выделялся из ряда политических книг того времени. В годы «холодной войны» любое упоминание деятелей Запада требовало четкой негативной характеристики, вроде — «реакционный политический деятель». Эта резкость оценок распространялась на всех, кто не был

коммунистом или принадлежал к дореволюционным политикам России. Доходило до смешного. Император Александр I, например, в одном энциклопедическом издании характеризовался как «убежденный монархист». Кто бы мог подумать!

В «Дипломатическом словаре» политики и дипломаты не получали резких классовых дефиниций, определялись не по своим взглядам, а по государственной и профессиональной принадлежности. Например, Э. Бевин — «английский профсоюзный и политический деятель, министр иностранных дел с 1945 г.». Было, правда, одно исключение — польский дипломат Ю. Бек характеризовался как «один из деятелей реакционной клики, правившей послеверсальской Польшей». В общем же, «Дипломатический словарь» отличался от других изданий того времени своей спокойной объективностью. За оба тома «Дипломатического словаря» мы получили премию Совета министров СССР.

Главный редактор сделал попытку договориться «в инстанциях» о подготовке второго издания «Дипломатического словаря». В начале 1951 г. Андрей Януарьевич и Вера Семеновна были приглашены на заседание Секретариата ЦК КПСС. Председательствовал Г. М. Маленков. Он не дал Вышинскому толком обосновать его предложение о новом издании «Дипломатического словаря», пару раз резко обрывал министра иностранных дел, который был блестящим златоустом, и предложил отклонить проект. Вера Семеновна рассказывала: «Вы представляете: там наш грозный главный был каким-то маленьким, смущенным и даже жалким».

После этой неудачи мы получили новую задачу — подготовить издание «Политического словаря». Моя деятельность (уже на ниве подготовки этого нового словаря) в январе 1951 г. была прервана самым неожиданным образом. Издательство политической литературы, в которое входила и наша редакция, шефствовало над большим колхозом в Верейском районе, примерно в 100 км от Москвы. Председатель колхоза тяжело заболел, попал в больницу, и райком партии просил московское издательство выделить для работы в колхозе толкового человека на несколько месяцев («хотя бы до завершения сева», т.е. до середины мая). Выбор пал на меня. Оказалось, что в колхоз направляются сразу два «толковых» коммуниста — вместе со мной выезжал и работник завода безалкогольных напитков Анатолий Федорович Наговицын.

Поскольку энергичный хозяин Москвы и Московской области Н. С. Хрушев, был сторонником «укрупнения» колхозов, в «наш» колхоз были включены семь окрестных деревень. Правление располагалось в большом селе Шутиково. Наговицына и меня поместили в избе Кирсановых. Мне определили место для сна — на полу, где положили большое одеяло. Отношения с хозяевами, как и с населением Шутиково, Алешково и других частей колхоза с первых же дней сложились очень удачно. Анатолий Федорович, в прошлом моряк, был открытым, прямым и вообще симпатичным человеком. Я же завоевал сердца сельчан тем, что вечерами часто беседовал с ними в клубе на политические темы. Кроме того, мы с Анатолием Федоровичем убедили Верейский райком партии присылать хоть раз в неделю в колхоз «кинопередвижку» с художественным фильмом.

Поражала нищета подмосковных деревень. Люди годами не видели денег. Учет работы проводился с помощью так называемых «трудодней». Имелась таблица перевода физического труда крестьянина в трудодень. Например, тебя поставили копать силосную яму. Если ты за день выкопал (за точность цифр, за давностью лет поручиться не могу) 6 кубометров земли, это равнялось одному трудодню. Передовыми считались члены колхоза, заработавшие за год 350—400 трудодней. О выходных здесь только слыхали из рассказов побывавших в городе.

Мы с изумлением (и в начале с недоверием) узнали, что в нашем колхозе один трудодень оценивался в конце 1950 г. в 20 копеек. Другими словами, хорошо, честно трудившийся человек, заработавший 400 трудодней, получал за год тяжелого физического труда 80 рублей. «Аристократками» считались доярки — у них была постоянная, знакомая работа. Возвращаясь домой, можно было нацедить в бутылку

молока, пронести под одеждой и накормить ребенка. Но какой ценой давалось это счастье! Наша молодая хозяйка уходила на ферму в 3 часа ночи, в полной темноте. За ней были закреплены 15 коров. Дойка велась вручную. Почти у всех «аристократок» была профессиональная болезнь — искривленные, потерявшие естественную форму руки.

Крестьяне жаловались, что учет ведется плохо, «палочки» (трудодни) бригады забывают записывать. Я съездил в Москву, в издательство, где напечатали несколько сот больших листов, слева мы написали фамилии трудоспособных жителей семи деревень, а справа бригады обязаны были в час окончания работы сразу же проставить заработанные трудодни. Эти листы были прикреплены на досках объявлений в каждой деревне. Денег на покупку удобрений не было. Того, что хранилось в силосных ямах и навоза не хватало. Мы с Анатолием Федоровичем пошли в школу, выступили в каждом классе, просили учеников собирать куриный помет. Его нужно было разводить водой. Это естественное удобрение, по нашему пониманию, должно было повысить урожай.

Весной каждого года в города и деревни приходило новое бедствие — подписка на госзаем. Газеты и радио обставляли это событие как большой и радостный праздник. На деле же, у людей не было денег и взять их было негде. В городе вопрос решался просто: все работающие отдавали государству от 10 до 20 % годовой зарплаты. А в деревне? Успешная или проваленная подписка на госзаем была одним из главных критериев оценки работы местного руководителя. На этот раз — работы Анатолия Федоровича и моей. Но оказалось, все не так трагично. В колхозе сложилась многолетняя традиция: в дни подписки на заем все работы прекращались, люди шли в окрестный лес, срезали ветки с берез и связывали в пучок. Сельские умельцы в это время спиливали тонкие деревца, обдирали кору и сучья и готовили палки. В итоге сооружалась метла. Несколько тысяч метелок грузились на полуторку и отправлялись на московские рынки. Деньги, вырученные за это высокотехническое орудие труда, отдавались государству в качестве колхозного взноса по займу. Вот вам и «смычка» города с деревней, о которой твердили наши пропагандисты.

Трагичная особенность деревни тех лет — почти полное отсутствие мужчин. В Шустиково, помимо председателя колхоза, с войны вернулся только один непокалеченный солдат. Все остальные или лежали в братских могилах от Подмосковья до Эльбы или прошли не один госпиталь и приехали домой с тяжелыми увечьями. В деревне подрастали мальчишки, родившиеся перед войной и в 1941—1942 гг. Женщины, оставшиеся вдовами в 20—30 лет, не имели шансов создать новую семью и должны были нести на своих плечах все тяготы сельской жизни и одиночества. Кто-то из них рассказал мне ходившую в деревне присказку: «Я и лошадь, я и бык, я и баба, и мужик».

В период «колхозного» отрезка моей биографии энергичный руководитель московских коммунистов Хрущев тоже не сидел без дела. Наступал новый, второй после «укрупнения» этап в колхозном строительстве. Хрущев выдвинул идею создания «агрогородов». Предлагалось свезти все дома колхозников в одно место — в нашем случае — в село Шустиково, а в будущем построить здесь дома городского типа. Но в то время и над Хрущевым еще были начальники. Грандиозная новостройка была приостановлена. Свезти избы в одно место так и не начали. Подумайте сами: чтобы избу перенести на несколько километров, ее надо разобрать. Многие избы были построены за десятки лет до выступления Хрущева с его инициативой. При разборке значительная часть бревен неизбежно окажется сгнившей и непригодной для сборки на новом месте. Для перевозки этого хилого «стройматериала» нужны были только в Верейском районе сотни грузовых автомобилей, которых район не имел. Не говоря уж о бензине и мазуте, которых тоже не было. Не было у государства и денег для такого реформирования сельской жизни. К счастью, светлая идея

создания «агрогородов» ушла в песок еще до того, как Никита Сергеевич получил неограниченную возможность проводить свои интересные проекты в жизнь.

Мы с Анатолием Федоровичем понимали, что наши «цыплята», которых принято «считать по осени» — это весенний сев. Проведем его с успехом — выполнили свою миссию. Сорвем — нам несдобровать. Партия наказывала своих неудачливых солдат. Но все прошло хорошо. К 10—11 мая мы, как говорили колхозники, отсеялись. К концу нашего пребывания вышел из больницы председатель колхоза В. И. Туманцев и мы вернулись в Москву.

В 1952 г. в нашей редакции появился новый сотрудник — Георгий Хосроевич Шахназаров. Красивый, живой и умный кавказец быстро освоился на новом месте. Он скромно поставил свой стол у двери, держал себя дружелюбно и ничем не показывал, что был прислан к нам с особым заданием. В своей интересной и искренней книге он рассказывает о назначении в нашу редакцию⁴. Директор «Политиздата» С. М. Ковалев напутствовал его так: «Я посылаю вас в один из самых интересных коллективов, где работают, можно сказать, лучшие редакторы издательства. Это профессионалы высокого класса, набирайтесь у них опыта». До сих пор — все понятно и хорошо. Но директор продолжал: «В то же время вы фронтовик, человек партийный». В общем, Ковалев предложил Георгию Хосроевичу возглавить редакцию. Но все три наши редактора были и фронтовиками, и членами партии. Значит, дело было в другом.

Умный Георгий Хосроевич понимал, где зарыта собака: «придирчивая проверка обнаружила, что подавляющее большинство авторов словаря относятся к числу лиц с “пятым пунктом”⁵, а последние автоматически причисляются к безродным космополитам». Выдвижение молодого офицера-коммуниста руководителем этого «нездорового коллектива» должно было продемонстрировать, что руководство издательства принимает должные меры для «очищения от скверны». Скоро Вера Семеновна передала бразды правления новому сотруднику.

Для нашей редакции наступили черные времена, которым Георгий Хосроевич помешать не мог. Арест заведующей редакции Э. И. Теумин был для редакции «черной меткой». Правда, арест тогда же С. А. Лозовского — члена главной редакции «Дипломатического словаря» и коллеги А. Я. Вышинского по наркомату иностранных дел — не отразился на судьбе Андрея Януарьевича.

«Мои коллеги, — пишет Георгий Хосроевич, — сами взялись обновлять авторский состав в соответствии с жесткими предписанием главной редакции»⁶. Но это коллегам не помогло. В конце 1952 г. механизм расправы над редакцией был запущен. Был арестован мой автор Владимир Владимирович Альтман. Я пишу «мой», так как мне среди прочих разделов «Политического словаря» была поручена «культура и наука». Альтман, веселый, остроумный помощник вице-президента Академии наук СССР академика В. П. Волгина, должен был представить в редакцию статьи (примерно 30—40 строк на машинке) о Д. И. Менделееве, И. П. Павлове, И. М. Сеченове и других выдающихся деятелях российской науки. Альтман легко справился с этой несложной задачей и в назначенный срок принес около 30 коротких статей, которые не нуждались в редактировании или переделках. Не в моих силах было даже сократить эти тексты. В них не было «воды»: даты жизни, специализация ученого, его наиболее известные открытия и перечень важных трудов. И все. После внезапного исчезновения автора нам и в голову не приходило выбросить его тексты и заказать их другому. В этом не было никакого смысла. Никто не смог бы изменить основные вехи жизни корифеев отечественной науки. Но в партийном комитете рассудили по-иному. Была создана специальная комиссия для

⁴ Шахназаров Г. Х. С вождями и без них. М., 2001.

⁵ В СССР в анкетах, которые заполнялись при поступлении на работу, в вуз, аспирантуру, в первых четырех пунктах указывались фамилия, имя, отчество, дата и место рождения, в пятом — национальность. Эвфемизм «человек с пятым пунктом» означал национальность — еврей.

⁶ Шахназаров Г. Х. Указ. соч., с. 69.

проверки работы редакции, которую по старой памяти называли редакцией «Дипломатического словаря».

Особенно активны при расследовании наших «преступлений» были заведующий отделом кадров Самсонов и редактор отрывных календарей Кудрявчикова. Кадровик казался комичной, но безобидной личностью. Каждому собеседнику он сообщал, что в прошлом был анархистом. Членство в любой партии, кроме большевистской, в нашей стране не приветствовалось. Поэтому бывший анархист добавлял для равновесия такую информацию: он так много сделал для освобождения народов Востока, что ему навсегда запрещен въезд во все страны Британской империи. Наш герой считал себя писателем — он уже много лет сочинял политический роман об упадке и близкой гибели английской аристократии. Однажды он остановил меня в коридоре издательства и сообщил, что наконец придумал центральную сцену, символизирующую разложение верхушки британского общества: «Я пишу о том, как во время гражданской войны возле Кронштадта нашими была потоплена английская подводная лодка. Морской министр Черчилль организует подъем лодки со дна. Погибшие моряки были доставлены в Англию. И здесь, во время похорон, у меня и описана важная сцена. Понимаешь, читателю сразу станет ясно, какие подонки управляют Англией. Понимаешь, у командира лодки, аристократа, оказались две жены и любовница. Прямо у гроба они затеяли драку, вцепились друг другу в волосы и обзывали друг друга плохими словами. Как твоё мнение, сильно получится?»

Самсонов показывал свою рукопись многим. По рассказам коллег, писатель старался, чтобы лорды в романе говорили на присущем им аристократическом языке. Так, хозяйка поместья, где жили приглашенные гости, обращалась к ним так: «Эй, лорды, кончайте играть в крикет, топайте пить чай!». В период партийного следствия Самсонов вел себя как прокурор. Он подробно расспрашивал нас о каждом из авторов «Политического словаря» и с негодованием указывал на высокий процент евреев среди них.

Кудрявчикова любила рассказывать о своем высоком положении в партии до прихода в издательство. Она сообщала, что была секретарем парткома Большого театра. Перед посещением театра вождями она вместе с сотрудниками госбезопасности участвовала в осмотре зрительного зала и особенно ложи, где обычно сидел Сталин. Вера Алексеевна намекала, что по сути дела именно она не раз спасала жизнь наших вождей, так как в ложе находили устройства для их убийства. Я, грешным делом, считал театральное прошлое Веры Алексеевны фантазией, но ошибся. Работая с подшивкой «Правды» за 1936—1937 гг., я наткнулся на рапорт коллектива Большого театра своему главному зрителю. Документ подписан секретарем парткома В. А. Кудрявчиковой. У Веры Алексеевны тоже были какие-то свои счеты с евреями. Моей помощнице, в то время младшему редактору Марине Лебедевой она настойчиво советовала «развязаться с этим евреем» (то есть со мной) и уйти в другую редакцию.

Допросы членов нашей редакции были почти ежедневными и продолжались по 3—4 часа. Я был болен, у меня неожиданно начался полиартрит, суставы рук и ног болели, но я не решался пропускать эти допросы. Помимо служебного положения и национальности авторов, наших недавних коллег, а теперь партийных следователей, интересовало все, в том числе, как мы отмечали в редакции государственные и личные (дни рождения, защиты дипломов) праздники. Эти вполне невинные застоля, когда на 8 сотрудников редакции и 1—2 зашедших на огонек авторов покупалась пара бутылок красного вина и готовились бутерброды, в заключении комиссии парткома были обозначены как «систематические пьянки на рабочем месте».

В обвинительном заключении было сказано, что один из авторов читал в редакции свои «поэтические вирши». Небольшая, но для того времени важная деталь. По мере развития нашего «дела» слово «поэтические» было заменено на слово «политические», что придавало этому «делу» опасную остроту.

Наконец нас вызвали на заседание парткома «Политиздата» (или партбюро, уже не помню). Здесь голоса разделились. Директор издательства Ковалев выступил с обвинительной речью. Он сообщил, что как раз сегодня он обнаружил в своей домашней библиотеке книгу какого-то автора, оказавшегося врагом народа. Он тут же решил отправить ее на помойку, но долго не мог заставить себя даже дотронуться до этой мерзкой книги. А редакция «Политического словаря» спокойно работала со статьями Альтмана! Но Сергей Митрофанович не был злым человеком и предложил дать главному виновнику, редактору Кремеру, только строгий выговор.

На нашу беду в эти дни в советском посольстве в Тель-Авиве какой-то подлец взорвал бомбу. И хотя я не имел никакого отношения к этому акту терроризма в Израиле, он отразился на моей судьбе. Из шести членов парткома трое поддержали предложение директора, а другие трое требовали выгнать из партии человека, потерявшего «политическую бдительность». Заседание зашло в тупик, но в этот момент открылась дверь, и в комнату влетел запыхавшийся седьмой член парткома. Мотя, как его называли коллеги, был человеком средних лет, не обремененным ни знаниями, ни способностями. Но зато он слыл хорошим коммунистом, всегда активно поддерживавшим «генеральную линию партии». Ему объяснили, что происходит на заседании, он тотчас занял самую суровую позицию. Со словами «они (то есть я) вон что делают в Израиле, а мы им будем потакать!» Мотя проголосовал за исключение меня из партии.

В эти дни я был, как во сне. Было ощущение, что я со стороны все это наблюдаю, со мной такого случиться не может. Помню, что я уходил из дома на улицу, бродил по переулкам. На лице моем застыла улыбка идиота. Несколько лет спустя в знаменитой книге Мартти Ларни «Четвертый позвонок» я встретил рассуждения одного из героев о смехе. Характеризуя всевозможные причины смеха, этот персонаж замечает, что «даже глубокое отчаяние» может порождать смех. На Арбатской площади я как-то встретил машинистку из издательства. Женщина с милым, благородным лицом остановила меня со словами: «Илья Семенович, мы все сочувствуем Вам. Знаете, у англичан есть пословица — “если тебе трудно — выше голову и смейся”». Может быть кто-то не поверит, но мне стало легче.

Между тем, события развивались дальше. Как говорил один известный политик конца прошлого века, «процесс пошел». Партбюро заседало в начале февраля 1953 г., а 11 или 12 февраля состоялось партийное собрание. Плохо помню, что и как говорили мои недавние коллеги, а теперь суровые прокуроры. Один из выступавших тоже провел какую-то нить к взрыву в советском посольстве и моим поведением. Другой говорил, что в подборе авторов для «Политического словаря» редакция «нарушила ленинский принцип подбора кадров», приглашали их «по признаку национальной общности». Третий спрашивал меня с трибуны, что печатая биографические справки, подготовленные врагом народа Альтманом, был ли я уверен, что эти справки «не являются вражескими шифровками»? Я что-то пытался объяснять, например, напомнил, что путь рукописи от поступления в редакцию до выхода книги в свет продолжается 8—10 месяцев и кому же придет в голову таким способом отправлять шифровки? Но все было напрасно, моя судьба была predetermined.

Никто не решился выступить в нашу защиту. Вердикт собрания был еще более жестким, чем решение парткома. Теперь из партии были исключены двое — я и недоглядевший за моими враждебными действиями парторг редакции, награжденный орденами и медалями гвардии капитан Персиц. Вера Семеновна, зав. редакцией, которая «дала ввести себя в заблуждение», получила строгий выговор. И только Беленький, который, как говорится в одном «лагерном» стихотворении, «был, как оказалось, не при чем», получил простой выговор.

На следующий день после собрания я и Персиц были уволены с работы — беспартийные редакторы не могли трудиться в партийном издательстве. Несколько

дней спустя потеряла работу моя жена — Инесса Ходош — в Институте Маркса-Энгельса-Ленина нельзя было терпеть жену исключенного из партии.

Мы с женой и ребенком остались без средств к существованию. Но могло быть еще хуже: обычно исключенные из партии по политическим мотивам вскоре попадали на Лубянку, и их судьба была несравненно более трагичной. Как пишет Георгий Хосроевич, «мои коллеги по Дипсловарю избежали худшего»⁷. Мой шу-рин, настойчиво рекомендовал мне уехать в Среднюю Азию и там затеряться среди местного населения. Проект показался мне провальным, и я не воспользовался советом родственника.

Кроме уже отмеченной выше «улыбки идиота» в разгар гонений, можно назвать еще один феномен человеческого сознания, рожденный общественной жизнью в тоталитарном государстве. Человек, ложно обвиненный в каком-либо проступке, на первых порах убежден, что с ним поступают несправедливо. Он защищается, доказывает, что он «не верблюд», ничего дурного не сделал. Но его продолжают обвинять, в роли жестоких критиков выступают его коллеги, уважаемые партийные инстанции. И он начинает думать: не может быть, чтобы все эти люди ошибались, а я один был прав. Похоже, что я совершил ошибку. И надо это признать.

Это настроение нашло отражение в документах — тогдашних заявлениях «героев» дела, включая автора этих заметок, в которых фантастическое «протаскивание статей врага народа» признавалось ошибкой. Вот короткий пассаж из объяснительной записки «члена КПСС с 1948 г.» Кремера И. С. в райком партии: «Я признаю свою ошибку, выразившуюся в факте использования этих статей». Я пишу, что «должен был переаказать все эти статьи», как будто другие авторы могли бы поставить Менделееву или Тимирязеву иные годы жизни или назвать иные их труды и открытия. Сегодня, задним числом, можно оценить эти слова как проявления слабости, но, нужно вспомнить помимо уже названного феномена сознания советского человека, сложившееся незыблемое правило, что обвиненный в каком-либо проступке коммунист должен был начать с так называемой «самокритики», с хотя бы частичного признания своих ошибок. Без этого предварительного условия вашим гонителям становилось ясно, что вы ничего не осознали, упорствуете в своих заблуждениях и не заслуживаете прощения.

Сегодня, во времена всеобщей идеологизации и многопартийности, трудно представить, что в 1952—1953 гг. означало исключение из партии. В партийной среде было принято называть исключение из партии «гражданской казнью» или «политическим расстрелом». Это не было преувеличением: исключенный сразу же становился изгоем, индийским неприкасаемым, кандидатом на арест. Нередко даже друзья такого неудачника прекращали общение с ним. В моей жизни в описываемое время был такой эпизод.

К концу февраля 1953 г. я и жена остались не только без работы, но и без денег. Никаких сбережений у нас не было — жили от зарплаты до зарплаты, как почти все в те годы. Я попросил денег в долг у друзей. С Александром Николаевичем и его женой Соней я служил во фронтовой зенитной артиллерии, после войны мы дружили семьями. Александр Николаевич попал в группу инспекторов Министерства обороны, а несколько лет спустя был принят в Академию генерального штаба. Соня — биохимик, работала в онкологической клинике. Когда я позвонил Соне и рассказал о нашей ситуации, она ответила, что, конечно, она привезет деньги. Но спустя день Соня смущенно сообщила, что муж запретил ей помогать мне. Для меня это был тяжелый удар — ведь мы были друзьями, испытанными в тяжелых условиях войны еще в Польше и Германии. Позднее Сонечка пыталась объяснить мне, что Александр Николаевич сам был в Академии под ударом, ему тоже «шили дело». Молодой полковник неосторожно сказал в кругу курсантов, что финские лыжи, по его мнению, лучше наших, советских. Донос, как писали в старых рома-

⁷ Там же, с. 70.

нах, «не замедлил себя ждать». Обвиненный в непатриотическом поступке офицер, участник освобождения двух европейских столиц, несколько месяцев «отмывался» от своего непатриотического заявления. Как объясняла Соня, муж был на грани исключения из Академии, нервничал, опасался, что за ним следят. А тут я — опальный кандидат на Лубянку, со своей просьбой.

Деньги одолжил мне беспартийный коллега — историк Виктор Хайцман, позднее он написал несколько хороших книг по международным проблемам 1920—1930-х гг. Беспартийные меньше нас, «винтиков» системы, были заражены страхом.

Надо напомнить, что «дело “Дипломатического словаря”» возникло на фоне последней крупной внутривластной зазеи Сталина. 13 января 1953 г. в газетах и по радио было опубликовано сообщение ТАСС «О раскрытии террористической группы врачей-отравителей». Месяц спустя «Правда» выступила со статьей «Простак и проходимцы». Герои статьи — «проходимцы» — сплошь евреи, а «простак» — русский, потерявший бдительность, наивный, доверчивый ротозей. На фабриках, заводах, в колхозах, в университетах, научных институтах, воинских частях подымалась инспирированная сверху волна ненависти. «Правда» сообщила, что «все участники террористической группы врачей-вредителей состояли на службе у иностранных разведок». Далее давалось важное уточнение, что большинство участников этой группы было завербовано филиалом американской разведки — международной еврейской буржуазно-националистической организацией «Джойнт»⁸.

Лидия Тимашук, врач кремлевской больницы, первая указавшая на «неправильное лечение» вождей, стала любимой народной героиней. В подборке «Почта Лидии Тимашук» газета «Правда» писала: «Лидия Феодосьевна стала близким и дорогим человеком для миллионов советских людей». Старая пенсионерка из Славянска обращалась к новой героине: «Дорогая дочка Родины! Радуюсь отважному поступку». Два автора письма из Красногвардейска заверяли Лидию Феодосьевну, что «все — и стар, и млад, если бы было возможным иметь ваш портрет, поставили бы его на самое дорогое место в рамке, в семейном альбоме»⁹.

Один академик писал в главной газете страны: «патриотический долг ученых — всемерное повышение бдительности... решительная борьба против ротозейства, в результате которой в течение долгого времени оставалась не разоблаченной подлая банда врачей-вредителей, продавшаяся иностранной разведке». В том же номере «Правды» в передовой статье сообщалось о разоблачении в Литве «безродных космополитов, литовских и еврейских буржуазных националистов, подлых наемников американского империализма, занимавшихся шпионажем и вредительством»¹⁰.

22 января 1953 г. в Москве состоялось торжественное траурное заседание, посвященное памяти Ленина. Докладчик секретарь ЦК КПСС Н. А. Михайлов сообщил собравшимся, что речь идет о подлых шпионах и убийцах, «спрятавшихся под маской врачей, продавшихся рабовладельцам-людоедам из США и Англии». К ненависти на страницах «Правды» призывали и писатели. Алексей Сурков, который, по словам Константина Симонова, ненавидел антисемитов, все же привлек на помощь классика Н. А. Некрасова, напомнив строчки поэта: «То сердце не научится любить, которое устало ненавидеть».

Все это разбавлялось словословиями в адрес великого вождя Сталина и сообщениями об экономических успехах СССР. Илья Эренбург, получивший накануне Сталинскую премию «За укрепление мира между народами», сообщил, что ему оказана высокая честь — «право носить на груди изображение человека, образ которого неизменно живет в сердце всех советских людей, всех миролюбивых людей нашего времени». Эренбург писал о Сталине как о «большом, зорком и справедливом человеке» Что касается успехов народного хозяйства, то «Правда» высоко оценивала рост сельскохозяйственного производства и «неуклонное повышение ма-

⁸ Правда, 18.I.1953.

⁹ Правда, 20.II.1953.

¹⁰ Правда, 31.I.1953.

териального благосостояния колхозного крестьянства», которое (крестьянство. — *И. К.*) «вышло на широкую дорогу зажиточной и культурной жизни»¹¹. Все происходившее в конце 1952 г. — начале 1953 г. было обобщено в «Правде» в статье «Расцвет социалистической демократии»¹².

Население быстро откликнулось «на подлые действия знаменитых медиков, агентов сионистов, стремившихся под видом лечения убить всех вождей во главе с товарищем Сталиным». В поликлиниках и больницах люди отказывались лечиться у врачей-евреев, выбрасывали прописанные ими лекарства. В троллейбусах и автобусах обсуждали заговор «этих гадов», громко зазвучало слово «жиды». Расправа, учиненная над нашей редакцией в «Политиздате», была лишь малой частью гигантской антисемитской кампании, развязанной вождем. Забот у него был, как говорится, «полон рот». Нужно было теоретически осмыслить экономические проблемы социализма, приструнить сторонников югославского лидера Тито в европейских компартиях, очистить руководство страны и партии от предателей — В. М. Молотова и А. И. Микояна, провести показательный процесс над врачами-убийцами, руководить «холодной войной» против прогнившего, но удивительно живучего империализма.

Может быть, в результате всех этих забот 73-летний вождь всего прогрессивного человечества не выдержал, надорвался, и 5 марта 1953 г. умер. Смерть его тоже ознаменовалась трагедией — сотни людей были задавлены, затоптаны толпой, стремившейся любой ценой попрощаться с вождем. Моя жена и дочь Татьяна были в этой толпе и едва не погибли, прижатые к чугунной решетке бульвара недалеко от Трубной площади.

Для того, чтобы понять настрой многих людей в эти дни, приведу один пример. Среди погибших на улице была и студентка Московского института культуры. Заместитель директора этого института Оган Степанович Чубарьян сидел в своем кабинете, когда к нему постучались девушки из общежития, где жила покойная студентка: «Оган Степанович, с Украины приехали ее родители, сидят в нашей комнате, может, Вы пройдете к ним?» О. С. Чубарьян познакомился с отцом и матерью погибшей, произнес слова сочувствия. Но не был ими понят. «Оган Степанович, о чем Вы говорите? — удивленно спросила мама. — Ведь Сталин умер».

Между тем, раз запущенный механизм партийного разбирательства продолжал работать. В начале апреля 1953 г. нас вызвали на заседание райкома партии. Бюро вел первый секретарь райкома. Мне не дали и рта раскрыть в свою защиту. Я только произнес одну фразу — просил райком учесть, что «Политический словарь» еще не был напечатан и, следовательно, реального ущерба нашему государству статьи, написанные помощником вице-президента АН СССР Альтманом до его ареста, причинить не могли. Первый секретарь прервал меня: «все равно, такие вещи не прощаются» и предложил утвердить решение партсобраний издательства в отношении меня и Персица. Но этим дело не кончилось. Через 5—6 минут была исключена из партии и Соловьева, проходившая, похоже, по разряду «простаков», потерявших бдительность в окружении таких типов, как ее редакторы.

Вера Семеновна пришла домой в «Дом на набережной», где она жила со своим мужем сотрудником Верховного суда СССР Кудряшевым, наполнила ванну теплой водой, села в нее и перерезала себе вены на обеих руках. Квартира не была отдельной, там жила еще одна семья. Соседи заметили, что из-под двери ванной по паркету растекается розовая вода, сумели открыть дверь и вызвали «Скорую помощь». Веру Семеновну отвезли в больницу, где врачи несколько дней боролись за ее жизнь. В итоге она выкарабкалась, но уже никогда больше не была той веселой, остроумной, харизматической женщиной, как до наших испытаний. Вера Семенов-

¹¹ Правда, 28.I.1953.

¹² Правда, 22.II.1953.

на рассказывала, что когда услышала по радио сообщение об освобождении врачей, она стала кричать: «Ну, пожалуйста, спасите меня. Я хочу жить!».

Дальше произошло мистическое событие. В декабре 1952 г., за день до начала нашего «дела», перед вызовом на допрос в комиссию партбюро, я уронил овальное зеркало, стоявшее на холодильнике. Оно разбилось, и это воспринималось в семье как знак беды. 24 апреля 1953 г. я проходил мимо своего дома. Что-то остановило меня у витрины магазина «Хрусталь». В витрине стояло зеркало — точная копия разбитого. Я немедленно купил его и поставил на прежнее место. Прошло не более часа, как вдруг прозвучал телефонный звонок. «Илья, — раздался голос известного историка, автора книг по истории Австрии Владимира Михайловича Турока-Попова. — Спешу передать Вам привет от Вашего врага народа. Два часа тому назад его освободили и привезли домой. Поздравляю Вас». Вот так судьба играет человеком, нередко устраивая ему контрастный душ.

Процедура исключения из партии считалась законченной, если наказание подтверждала Комиссия партийного контроля (КПК) городского комитета ВКП (б). В июне 1953 г. состоялось заседание КПК. Это было в доме на ул. Калинина, где позднее располагался Комитет по связям с зарубежными странами. Комиссия была в затруднении. С одной стороны, враг народа — на свободе, вернулся к своим обязанностям в АН СССР, с другой — мы были исключены решением бюро Железнодорожного райкома партии, и признать это решение полностью неверным — дело трудное. Тут комиссии очень помогли имевшиеся в «деле» упоминания о наших редакционных праздниках. Все трое были восстановлены в партии, но получили по выговору с формулировкой: «за участие в выпивках в помещении редакции».

Снятие этого взыскания — особая песня. С трудом я устроился преподавать историю в техникум при автозаводе имени Лихачева. По тогдашним правилам избавиться от пятна в партийной биографии можно было не ранее, чем через год беспорочной службы. В техникуме и в райкоме партии все сошло хорошо. Единственный вопрос во время этого процесса реабилитации задал первый секретарь Пролетарского райкома Н. М. Пегов. Обращаясь не ко мне, а к секретарю партбюро техникума, он спросил: «А как сейчас, тов. Кремер не выпивает?». Секретарь заверил, что ничего такого за мной не замечено.

Но, поскольку выговор был дан Московским горкомом партии по рекомендации комиссии партийного контроля при горкоме, окончательно снять это взыскание могли только эти инстанции. Между тем, проходили месяцы, а меня туда не приглашали. Наконец, в июне 1954 г., я был приглашен к партийному следователю тов. Башкировой. Она была занята оживленным разговором с каким-то пожилым человеком. Я сел в коридоре. Беседа в кабинете затянулась почти на час. Когда посетитель кабинета вышел, я сделал попытку войти в кабинет, но тов. Башкирова сообщила мне, что она занята: «Ждите. Позову!» Наконец, из-за двери раздался громкий крик: «Кремер, войдите».

Тов. Башкирова сообщила мне, что я совершил серьезное партийное преступление, потерял политическую бдительность, работал со статьями врага народа. Я попытался напомнить ей, что больше не обвиняюсь в столь тяжком проступке. «Ах, вот что! Вы, оказывается, до сих пор не осознали того, что наделали. Я буду выступать на комиссии против снятия выговора».

Я понял, что, хотя тов. Сталин умер, дело его живет. На заседании комиссии партийного контроля тов. Башкирова снова выдвинула против меня обвинение в «привлечении к работе таких авторов, как Альтман и Ноткин». Альтман, как читатель уже знает, еще в апреле 1953 г. был освобожден и вернулся на работу в Академию наук. Ноткин, известный экономист, был знаменит благодаря адресованному ему письму т. Сталина, в котором автор письма ни в чем не обвиняет Ноткина, но дискутирует с ним по теоретическим проблемам экономики.

Другими словами, тов. Башкирова не хотела отказаться от прежних политических обвинений. До XX съезда партии оставалось полтора года и партийный

актив еще не понимал, куда повернет «генеральная линия партии». Между тем, я не мог рассчитывать на научную работу, о которой мечтал, пока выговор не снят. Я записался на прием к председателю комиссии Дмитриеву. У него была хорошая репутация справедливого, честного человека. Дмитриев дал мне неожиданный совет, «не спешить». «Тов. Башкирова у нас тут секретарь партбюро, очень жесткая, принципиальная женщина. У нас все ее побаиваются. Давайте решим так. Отложим на пару месяцев, она успокоится, я с ней поговорю, позвоню Вам, мы рассмотрим дело и снимем выговор». С этим я и ушел. Но тов. Башкирова обо мне не забыла. Однажды вечером, я вел урок в группе мастеров и рабочих автозавода, дверь приоткрылась, и директор техникума попросил меня отпустить студентов и зайти к нему в кабинет. Директор сообщил мне, что ему звонила тов. Башкирова. Она предлагает, чтобы я поехал работать в деревню, на руководящую должность в колхозе. Что я думаю по этому поводу? Я думал, что это большая глупость. У меня нет нужного опыта и агрономического образования, и пользы ни мне, ни колхозу от такого председателя не будет.

Через 3—4 дня все повторилось. На этот раз директор передал мне четкое заявление тов. Башкировой: если я откажусь от предложенной работы в сельском хозяйстве, снимать выговор она не согласна. Я подтвердил директору свою позицию. Время шло, а моя проблема зависла. Мои друзья из института истории АН СССР (и в их числе Александр Некрич и Михаил Гефтер) торопили меня, говорили, что вот сейчас есть вакансии в секторе по подготовке 10-томной «Всемирной истории», а завтра этой вакансии может уже не быть. Я решил попытаться не через директора техникума, а лично поговорить с Башкировой. Позвонил ей, никто не ответил. Позвонил в канцелярию парткомиссии, спросил, как мне попасть к Башкировой. Ответ был какой-то непонятный: «завтра, в 10 утра, в Большом зале». Я ничего не понял, позвонил своей бывшей помощнице Марине Лебедевой. «Мариша, будь добра, позвони в канцелярию комиссии партийного контроля и спроси, когда можно попасть на прием к Башкировой». Через минуту — звонок Марины: «Умерла твоя Башкирова. Завтра утром прощание в Большом зале».

Через три дня позвонил партследователь тов. Греков и пригласил на заседание комиссии. Выговор был единогласно снят. Теперь я мог попытаться получить работу по душе. С лета 1955 г. я стал научным сотрудником Института истории Академии наук. Но это уже другая тема.